

УДК 331
ББК 65.24

DOI 10.22394/1682-2358-2018-4-88-94

О.Ю. Тарская, Doctor of Sciences (Sociology), Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

О.В. Хамбиков, Colonel of Internal Service, Head of the FSI «3rd Detachment of the Federal Fire-Fighting Service in the Saratov Region»

SOCIOCULTURAL CONTEXTS OF ADAPTATION TO THE GLOBALIZATION OF LABOR MARKETS

The globalization processes of labor markets adaptation, as well as staffing problems of municipal territories investment development are analyzed. The priorities of the state educational and labor policy are determined. Conclusions are drawn, and proposals on the need to reconfigure the state management of educational systems in the context of labor market requests are formulated.

Key words and word-combinations: labor market, globalization processes, sociocultural contexts, educational practices, public administration.

О.Ю. Тарская, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: tarskayaolga@mail.ru)

О.В. Хамбиков, полковник внутренней службы, начальник ФГКУ «3 отряд ФПС по Саратовской области» (email: tarskayaolga@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ АДАПТАЦИИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. Анализируются глобализационные процессы адаптации рынка труда, проблемы кадрового обеспечения инвестиционного развития муниципальных территорий. Определяются приоритеты государственной образовательной и трудовой политики. Формулируются выводы и предложения о необходимости совершенствования государственного управления образовательными системами в контексте запросов рынка труда.

Ключевые слова и словосочетания: рынок труда, глобализационные процессы, социокультурные контексты, образовательные практики, государственное управление.

Интеграция России в мировое пространство, и в частности ВТО, встречает не только сопротивление определенной части общества, но и превратно понимается отдельными сторонниками ее необходимости. Репрезентируется упрощенное понимание

сушности интегративных процессов, связанной с попыткой сведения вопроса к подсчету прибылей и убытков. Между тем суть не в том, что получит или потеряет сегодняшняя российская экономика, а как участие в глобальных мировых процессах стимулирует ее изменения.

По утверждению Э. Гидденса, «главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью... Терпимость в отношении культурного разнообразия и демократия тесно взаимосвязаны, а демократия сегодня распространяется по всему миру. За распространением демократии стоит глобализация. В то же время, парадоксальным образом, она демонстрирует ограниченность наиболее привычных нам демократических структур, а именно структур парламентской демократии» [1, с. 6]. Заявляется не только о перепрофилировании производств, но и о пересмотре моделей GR-relations. Классическим примером политического неприятия интеграции в ВТО может служить проект Г. Зюганова [2]; однако сходные в своей сущности представления стоят и за концепциями, авторы которых (как в случае «Изборского клуба») артикулируют лояльность действующей власти.

В сфере трудовых отношений аналогичное упрощение, искажающее реальное положение вещей, проявляется в сведении сути проблемы к оценке конкурентоспособности российских граждан на мировых рынках труда, или, в других контекстах, рисков, связанных с трудовой миграцией в Российскую Федерацию. Между тем данные аспекты проблемы не имеют самостоятельного значения, носят производный характер.

Достаточно показательными в этом плане являются попытки выявить воздействия интеграции в систему ВТО на рынки труда уже осенью 2012 г. Аналитики SuperJob утверждали, что «отечественному бизнесу придется конкурировать с международными компаниями, что возвращает к необходимости тщательного планирования и управления финансово-хозяйственной деятельностью» [3]. При этом главными трендами стало увеличение безработицы, а также рост спроса на руководителей высшего звена и экономистов. Как отмечается, доля безработных соискателей за месяц выросла до 53,6%, среди них преобладают женщины (57%). Высок процент нетрудоустроенных соискателей в возрасте 20–24 лет (33%), рассчитывающих на рабочие места в сфере юриспруденции, управления персоналом. С. Рошин полагает, что это локальная ситуация, хотя в долгосрочной перспективе ВТО способна регулировать отдельные секторы, в частности, может пострадать рынок труда в сфере обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства [4]. Условность этих прогнозов, однако, достаточно очевидна. Прежде всего, в России нет единого, универсального рынка труда. Средняя оплата специалистов в экономической сфере по Москве порядка 45 тыс. рублей, в то время как в Екатеринбурге — 25 тыс. рублей, разница почти двукратная. Естественно, прежде, чем процессы, связанные с международной интеграцией, непосредственно повлияют на ситуацию в российской провинции, они будут существенно опосредованы. «Особое» положение московского рынка труда определяется не в последнюю очередь, наряду с привилегированным статусом столицы, тем, что Москва к тому же еще и «ворота» в мировой рынок. Если

интернациональные компании начнут выходить на провинциальные российские рынки, минуя московский «фильтр», такое положение вещей может радикально измениться.

Прогнозы, строящиеся на учете ожидаемых, в связи с изменением положения российской экономики в международном разделении труда, структурных изменений, представляются наиболее очевидными. Однако и они должны учитывать как инерцию российского хозяйственного комплекса, так и всю совокупность факторов, определяющих присутствие зарубежных фирм, товаров, услуг на российских рынках. В целом снижение ввозных пошлин на 2–2,5% вовсе не обязательно повлечет за собой массовую товарную экспансию. Проводить параллели с ситуациями, имевшимися в некоторых странах Африки и Азии, неправомерно, поскольку российская экономика не возникла на пустом месте, под воздействием интеграции в международное разделение труда, но, напротив, развивалась относительно автономно на протяжении ряда десятилетий. Потребность в структурной перестройке была очевидна еще до краха СССР. Наиболее трезво мыслящим экономистам она была понятна и в 1960-е годы, а в начале 1980-х признавалась и высшим руководством страны. Иначе и быть не могло, поскольку та модель индустриализации и перестройки сельского хозяйства, которая была реализована в 1930-е годы, не могла не породить диспропорций. Остаточные воздействия этих диспропорций, не будучи устранены радикально, и сегодня продолжают оказывать негативное влияние на ситуацию. Конечно, вступление в ВТО — отнюдь не единственный способ подстегнуть реструктуризацию экономики, но, оценивая альтернативные возможности, стоит принять во внимание крах всех попыток реформирования советской экономики, предпринимавшихся с опорой на значительный властный ресурс. Нет ни малейших оснований думать, будто сегодня есть какие-то «оптимальные» способы осуществить реструктуризацию, не используя своего рода «шоковой терапии».

Кроме того, следует принимать во внимание, что консерватизм в различных отраслях имеет разную природу. Есть отрасли, где имеет место очевидное технологическое отставание от мирового уровня, которое не может быть скомпенсировано без существенных капиталовложений. В то же время есть ситуации, в которых низкая конкурентоспособность российского производства определяется именно защищенностью рынка: нет смысла осуществлять реорганизацию, если все равно нет конкуренции. Именно поэтому оперирование такими глобальными категориями, как «сельское хозяйство», «обрабатывающая промышленность», в подобных случаях явно некорректны. Следует заявлять о конкретных ситуациях, причем в ряде случаев отличающихся по разным регионам.

Воздействия интегративных процессов на характеристики рабочей силы, требования к организации трудовых отношений и рынков труда определяются прежде всего потребностями согласования национальных моделей с утвердившимися в мировых практиках. Отсутствие «железного занавеса» проявляется в универсализации притязаний, систем ожиданий работников. При этом анализ динамики китайской экономики демонстрирует масштабы обратного

воздействия этих изменений на международные рынки в целом. Очевидно, косвенное влияние международной интеграции здесь можно усмотреть, но, еще раз подчеркнем, оно состоит не в непосредственном влиянии мирового рынка труда на российский, а опосредованных социокультурных реакциях.

Парадигмы менеджмента лишь с запозданием приводятся в соответствие с тенденциями, порожденными изменениями в характеристиках рабочей силы. При этом понимание необходимости адаптации международного опыта вырабатывается под воздействием в большей степени сторонних, идеологических соображений, нежели реального учета требований глобализации. Еще в книгах 1990-х годов Ч. Хэнди «The Age of Unreason», «The Empty Raincoat», «Beyond Certainty», «The Hungry Spirit», «New Alchemists» были обоснованы модель «трилистника», «портфель работ» как компоненты новой системы организации труда, не предполагающей длительной занятости в одной фирме, во многом близкой к идее тотального фрилансерства. Как пишет Ч. Хэнди, работники будущего — это «люди, которые оказались вне предприятий, но работают на них. Я называю их портфельными индивидами. Вместо того, чтобы идти по пути карьерного роста, им лучше создать товар, услугу или приобрести навыки, составить портфель, иллюстрирующий эти предложения и искать для них покупателей... мы должны будем отказаться от линейного — восходящего, как нам хотелось бы думать — характера наших биографий. Портфельный образ деятельности не имеет ничего общего с линейным, когда одна работа ведет к другой — лучшей, а в конце нас ждет нечто под названием успех (или провал). Линейный характер постепенно утрачивают и другие сферы жизнедеятельности, одни из которых называют семьей, другие — развлечением, третьи — обязанностями» [5].

Большая часть этих трудов издана в России, однако адаптация содержащихся в них идей оставляет желать лучшего. Парадоксом при этом является то, что практики опережают теоретическое осмысление положения вещей. Статьи 310–312, предлагаемого нового Трудового кодекса РФ впервые регулируют отношения, возникающие в связи с дистанционной работой. Однако, как вполне справедливо отмечается критиками проекта, при этом работодатели получают возможность экономить на «социальных пакетах», таким образом, перекадывая на государство решение проблем, связанных с обучением работников, страхованием рисков [6].

Вместе с тем универсализация рынков влечет за собой и стандартизацию норм, определяющих условия труда. Убедительнейшим доказательством этого тезиса служит скандал вокруг «дела Foxconn». Моноспектакль М. Дэйзи «Агония и экстаз Стива Джобса», вызвавший мощный международный резонанс [7], был посвящен критике условий труда на заводах Foxconn, одного из ведущих поставщиков комплектующих для Apple. Самое примечательное, однако, — сам резонанс как таковой. Абсолютно очевидно, что даже тридцать лет назад масштабы обсуждения были бы совершенно иными; между тем условия труда на предприятиях большинства стран тогда были никак не лучше, чем описанные М. Дэйзи. В данном случае важно не то, в какой мере М. Дэйзи искусственно драматизировал ситуацию, а сколь масштабные ресур-

сы были использованы Apple и Foxconn, чтобы его дезавуировать [8]. Здесь в действии наблюдается механизм принципиально нового типа регулирования трудовых отношений.

Россия нуждается в новой целостной концепции политик в сферах труда и занятости. Ключевые перспективы такой концепции должны быть связаны с адаптацией к тенденциям индивидуализации карьерных стратегий и мотиваций трудовой деятельности, новым моделям миграции рабочей силы; парадигмам менеджмента, адекватным кастомизации производств, ориентации на «портфолио работ», гибкие формы занятости. При этом важно согласование всех уровней разработки и реализации политик в сферах труда и занятости.

Одним из наиболее важных аспектов такой политики становится перестройка системы образования. По данным Института экономики РАН, «излишек» специалистов высшей квалификации в 2004 г. составил 2 млн человек, идет тенденция к увеличению [9]. Анализ положения безработных различных категорий показал, что специалисты с высшим образованием находятся в лучшей ситуации. Во-первых, образование значительно снижает риск и продолжительность безработицы. Во-вторых, оно направлено на развитие таких качеств индивида, как коммуникабельность, способность принимать самостоятельное решение, наиболее рационально распределять время. В-третьих, образование позволяет обрести больше свободы и уверенности в себе, развивает гибкость, терпимость к другим людям, уважение к культурным ценностям, положительно влияет на семейную жизнь индивида, жизнь общества в целом, способствуя большей ее стабильности.

А.Г. Бермус пишет, что сегодня в России возникает парадоксальная ситуация, когда индивидуализация личности сопровождается ее маргинализацией и утратой идентичности, происходит деструкция личности и утрата в личности принадлежности чему-либо. Это, естественно, задает новое пространство конкуренции образовательных моделей, которые приспосабливаются к данной ситуации. Одновременно происходит утрата в культуре временного измерения, в противовес которому утверждается абсолютность переживания «здесь и сейчас», являющегося основанием культа наслаждения настоящим [10].

Реформа образования в России сталкивается с серьезными трудностями прежде всего не столько в силу расклада субъективных интересов, не слишком благоприятствующего позитивным изменениям, но в решающей мере по причине отсутствия у ее инициаторов ясного понимания поставленной цели. Разумеется, не стоило бы начинать реформу только для того, чтобы обеспечить наилучшие условия для интеграции в мировые рынки образовательных услуг и труда. Позиции России на этих рынках и к началу 1990-х годов были отнюдь не плохи, о чем свидетельствует интерес молодежи целого ряда стран к учебе в России и мировой спрос на российских специалистов. Проблема не в этом. Она и не в коррумпированности образовательных учреждений как таковой: эта коррумпированность — лишь следствие действительно фундаментальных негативных процессов [11].

В образовательных практиках отчетливо проявляется тенденция к обособлению концептуализаций подготовки государственных служащих, прежде

всего, естественно, от образовательных программ в сфере собственно менеджмента. Как вполне справедливо замечает А. Барабашев, «во всем мире “государственное и муниципальное управление” — это отдельное направление высшего образования, а не разновидность подготовки менеджеров» [12]. Однако, наряду с безусловно верными указаниями на наличие в программах подготовки менеджеров курсов, явно излишних для будущих государственных служащих, и, наоборот, отсутствии необходимых для получения ими специфических навыков, продуцируются спорные, как представляется, положения, прежде всего касающиеся «принципиальных отличий государственного управления от бизнеса и менеджмента в частном секторе по морально-этическому настрою» [12].

В современных условиях речь должна идти о реконструкции существенно более глубокой. Она проектируется по трем возможным направлениям. Первое предполагает введение в сферу государственного управления преимуществ плоских структур: перенос внимания на потребности и перспективы потребителя, первенствующее значение открытых коммуникаций; переход от иерархии к командной работе и гибким алгоритмам; реинженеринг, предполагающий новое обогащение труда, соединение аналитической деятельности с обслуживанием клиентов (и реализацию Маастрихтских принципов) [13].

Второе направление связано с менеджеризацией и предполагает следующие действия: поиск оптимального соотношения политических и профессиональных начал в администрации; децентрализацию, удешевление, сокращение администрации; маркетинговую значительную часть государственной службы; институционализацию политической роли бюрократии и механизмов реализации ею своих корпоративных интересов [14].

Третье, менее очевидное и не столь явно прописанное в современной литературе направление может формироваться из ориентации на кибернетизацию, последовательную формализацию деятельности в сфере государственного управления. О.В. Анчишкина совершенно справедливо выявляет в российской административной реформе начала тысячелетия наличие субъектного аспекта, а также значимость социального заказа бизнеса [15]. Однако, наряду с субъектностью, социальные взаимодействия носят системный характер, а социальные системы, как любые иные, обладают свойством, определенным Н. Луманом как аутопойесис. Дело, разумеется, не в том, что та или иная система обретает субъектность и стремится адаптироваться, а в естественном отборе адаптивных систем. Акцентирование политического аспекта реформы, как в «десяти заповедях» А.В. Оболенского [16], при всей своей важности не исчерпывает содержания реформы, ключевым моментом которой в реальности становится осуществленный в органах государственной власти функциональный анализ.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
2. Зюганов Г. Глобальное порабощение России, или Глобализация по-американски. М., 2011.

3. Кадры для ВТО // Новые известия. 2012. 3 окт.
4. Рынок труда в 2013 году – рынок кандидата // NashGorod.ru. 2013. 5 февр. URL: <http://www.nashgorod.ru/news/news56289.html>
5. *Handy Ch.* The Handy Guide to the Gurus of Management. URL: <http://www.bbc.co.uk/world-service/learningenglish/work/handy/handy.shtml>
6. Фрилансеры разрушают экономику // Культурная революция. ВГТРК. Видео. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20862/video_id/208421/viewtype/picture
7. В Китае поставят свою версию «Агонии и экстаза» Стива Джобса // AppleInsider.ru. 2012. 20 окт. URL: <http://www.appleinsider.ru/mike-daisey/v-kitae-postavyat-svoyu-versiyu-agonii-i-ekstaza-stiva-dzhobsa.html>
8. Корреспондент Marketplace Роб Шмиц посетил Foxconn // AppleInsider.ru. 2012. 9 апр. URL: <http://www.appleinsider.ru/korrespondent-mar>
9. *Брызгалов А.И.* О некоторых теоретико-методических проблемах юридических наук на современном этапе // Государство и право. 2004. № 4. С. 17–22.
10. *Бермус А.Г.* Что есть просвещение для XXI века? // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 2. С. 40–61.
11. Высшее образование Германии и Болонский процесс // Работа. Наука. Образование. URL: http://rabers.ru/obrazovanie_za_rubezhom/obrazovanie_v_germanii/visshee_obrazovanie_germanii_i_bolonskiy_protseess.html
12. *Барабашев А.* Подготовка чиновников отличается от подготовки менеджеров // Сайт ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/13028506.html>
13. *Старовойтов А.В.* Реформирование российской государственной гражданской службы и опыт зарубежных стран. М., 2003.
14. *Атаманчук Г.В.* Государственное управление. Организационно-функциональные вопросы. М., 2000.
15. *Анчишкина О.* Бюрократия начинает, но... выигрывает ли? // Отечественные записки. 2004. № 2.
16. *Оболенский А.В.* Нам нужна бюрократия, но публичная, а не «государева» // Отечественные записки. 2004. № 2.